

и часами смотрит, как дым вьется, как полусонная муха ползет по подоконнику или напротив, в окне, через двор, человек газету гложет и ищет, нет ли еще какого-нибудь занимательного убийства.

А там, через улицу, все вдовы собрались и судачат об интимных подробностях своей прерванной брачной жизни.

Видит Свистонов, что он, Свистонов, уже днем за всеми, как за диковинной дичью, гонится; то нагнется и в подвал, точно охотник в волчью яму, заглянет—а нет ли там человека, то в садике посидит и с читающим газету гражданином поговорит, то остановит на улице ребенка и об его родителях, давая конфетки, начнет расспрашивать, то в мелочную лавочку тихо зайдет, осмотрит и с торговцем о политике побеседует, то, прикинувшись человеком сострадательным, нищему гривенник подаст и его враньем насладится, то, выдавая себя за графолога, всех известных в городе лиц объездит.

Утром, посмотрев на часы, Свистонов все позабыл. Стараясь не будить жены, полуодевшись, сел за редактуру. Что-то такое исправил, что-то такое поправил, поспешил в писательский клуб. Там уже сидели в шляпах и кепках и друг другу сплетни передавали и последние происшествия. Редакторша курила румяная и полная за обветренным письменным столом, и, читая рукопись, время от времени вздыхала и смотрела из-за рукописи в сторону. Ей интересны были все эти разговоры, подчас веселые, но шум шагов и раскатистый смех мешали ей работать.

Свистонов поздоровался с редакторшей и с присутствовавшими. Она подала ему руку и углубилась в чтение.

Посидели писатели, беседа часа четыре, кого-то поджидая, ожидая кто первый встанет. Посидев, как все, насладившись, как все, разговорами, Свистонов исчез в лифте и очутился на проспекте 25 Октября. Было уже довольно поздно, и писатели и журналисты фланировали от издательства к Дому Печати и обратно. Согретые весенним солнцем, они беседовали о том, что Круглов пишет как Честертон, что хорошо поехать в Крым, что хорошо такую книжку загнуть, чтоб она ежегодно выходила. Они спускались в Московское Акционерное Общество, ели жареные пирожки, читали вечернюю „Красную Газету“, искали, нет ли о них чего-нибудь в хронике, покупали московские журналы и тоже справлялись — не пишут ли о них. Когда находили — то смеялись. Чушь пишут! Иногда к ним подбегал хроникер из студентов и спрашивал, над чем они работают. Тогда писатели ври.

Это был нелегкий труд просидеть в редакции часа четыре, а то и пять. К пяти часам у писателей разбаливались головы. Придя домой и пообедав, утомленные ложились поспать на часок. К вечеру, убедившись, что день прошел и что уже сегодня они не смогут работать, шли с женами к знакомым на чашку чая.

Вечером, когда Свистонов лег в постель и подумал о том, о чем бы почитать: о старинной ли русской утвари, которая может пригодиться для его

нового рассказа, или не взять ли путешествие в восточные страны Вильгельма де-Рубрук в лето благодати 1253, именно главу о прорицателях и колдунах у татар, как они выливают новый кумыс на землю, или том из „Collection de l'Histoire par le Bibelot“.

Но поленился Свистонов надеть туфли, сшитые им из бобрика во времена нехватки всего и голода. Не вылез из-под одеяла, не поднялся на стул, быстро не достал книг. Вместо этого повернулся к жене и стал беседовать с ней об услышанных в редакции новостях.

— Леночка, — сказал он закуривая.

Леночка опустила записки Панаевой на одеяло и, облокотившись на локоть, стала смотреть на своего мужа.

— Граф Экеспар, — вяло тянул Свистонов, — свою любовницу цыганку называл Дульцинеей. Разделил свои владения на сатрапии и поставил во главе каждой сатрапии сатрапа. Выдавал своим солдатам чингисханский паек — трех баранов в месяц, а офицерам — двух баранов.

— Неужели? — спросила Леночка.

— Он мечтал образовать пан-монгольскую империю с немецким государственным языком и двинуть цветные полчища на запад.

— Вот бы тебе взять такую тему. Можно было бы написать интересную повесть.

— Я тебе еще не сказал, — оживился Свистонов, — что он объявил себя Буддой, состоял в переписке

с китайскими генералами, нашел даже претендента на императорский престол, какого-то англинизированного китайского принца, проживающего в Америке и краснеющего, когда его называют китайцем.

Свистонов, вытянувшись под одеялом, курил, смотрел в потолок, затем он повернулся и стал смотреть на стену.

— Эх жалко, — сказал он, — что никогда я, Леночка, не был в Монголии. Монастыри — дыхание этой страны. По немецким сказкам дыхания не создашь. Пристроиться, что ли, к экспедиции Козлова, взять командировку от вечерней „Красной“, — и уж закрыл глаза и стал засыпать, когда где-то сбоку появилась мысль об охоте и охотниках.

Ему захотелось писать. Он взял книгу и стал читать. Свистонов творил не планомерно, не вдруг перед ним появлялся образ мира, не вдруг все становилось ясно и не тогда он писал. Напротив, все его вещи возникали из безобразных заметок на полях книг, из украденных сравнений, из умело переписанных страниц, из подслушанных разговоров, из повернутых сплетен.

Свистонов лежал в постели и читал, т.-е. писал, так как для него это было одно и то же. Он отмечал красным карандашом абзац, черным в переделанном виде заносил в свою рукопись, он не беспокоился о смысле целого и связности всего. Связность и смысл появятся потом.

Читал Свистонов:

Писал Свистонов:

В виноградной долине реки Алазани среди множества садов, ее охвативших, стоит город Телав, некогда бывший столицей Кахетинского царства.

Чавчавадзе сидел в кахетинском погребе и пел песни о виноградной долине реки Алазани, о городе Телаве, бывшем некогда столицей кахетинского царства. Чавчавадзе был неглуп и любил свою родину. Его дед был ротмистром русской службы, но нет, нет, надо вернуться к своему народу. Чавчавадзе с отвращением посмотрел на сидевшего рядом купца, певшего песню Шамиля и игравшего на гитаре. „Торгаш, — пробормотал Чавчавадзе, — подлое племя, лакей“. Купец жалобно посмотрел на него: „Не обижай, я хороший человек“.

Написав этот отрывок, Свистонов отложил листок: „Чавчавадзе“, — повторил он, — „Князь Чавчавадзе. Что же думает инженер Чавчавадзе о Москве? Ладно“, — решил он и продолжал читать о смерти царя Ираклия и о горе его жены Дарии.

На низких диванах сидели жены сановников, закутанные с ног до головы в длинные белые покрывала, и, ударяя себя в грудь, громко оплакивали кончину царя. Против женщин, с правой стороны трона, разместились государственные чиновники, по старшинству, в безмолвии и с печальными лицами. Выше всех сидели старшие министры, за ними церемониймейстеры с переломленными жезлами. Из окна комнаты виден был любимый царский конь, стоящий у дворцовых ворот, оседланный наизнанку. Подле коня сидел на земле чиновник с непокрытой головой.

„Великолепно, — подумал Свистонов. — Чавчавадзе — грузинский посол при Павле I, граф Экеспар, потомок тевтонского рыцарства. Но может быть, и не тевтонского... Надо проверить“...

Какие-то дали будущего произведения замерещились Свистонову. „Поляка, — подумал он. — Надо бы еще поляка. Да еще бы изобрести незаконного сына, одного из Бонапартов, командовавшего в 80-х годах русским полком“.

Влюбленные глаза Польши, устремленные на Францию, Генрих III убежал, Бонапарт на острове св. Елены. Наполеон III, восстание не удалось. Сейчас опять Франция и Польша — две культурные рыцарственные сестры — подумал Пшешмыцкий, идя мимо Собора Парижской Богоматери, и третий рыцарь смотрит на нас — Грузия.

Написав это, Свистонов сел на постели: „И Париж прихватим, — посмотрел он на пол. — Завтра надо пойти к букинистам“ и — Свистонов, завернувшись в одеяло, захрапел.

Утром, побывав в редакции, он отправился на проспект Володарского, стал заходить с портфелем в книжные лавки, как дама в Гостиный двор с ридикюлем.

Хозяева и приказчики спрашивали об его новом романе, говорили о том, что интересно будет почитать, что вот есть любопытная книжечка и что, может быть, он посоветует кому-нибудь из своих знакомых вот эту книжку.

Книжная вакханалия кончилась, и редкие книги стали снова редкими. Дела книгопродавцев в общем шли плохо. Библиотеки не продавали им больше книг по 1 р. 20 к. за пуд.

Свистонов рылся и искал польских эмигрантских книг, искал книг по Грузии, по Остзейскому краю.

Книжники, отходя в уголок, пили водку, беседовали с постоянными покупателями, смотрели издали на улицу

Довольный Свистонов вернулся домой. Он нашел:

1) *Recueil de diverses pieces, servans à l'histoire de Henry III roy de France et de Pologne. A Cologne, chez Pierre du Marteau MDCLXII.*

На этой книге был перечеркнутый экслибрис с гербом Д. А. Бенкендорфа; на гербе был девиз: *Avec Honneur.*

2) Русское Балтийское поморье, вып. I, издание Ю. Самарина, Прага. 1868.

3) *Essai critique sur l'Histoire de la Livonie... par C. C. D. B. M. D. C. C. XVII.*

и еще много других в нежных свиных и телячьих переплетах.

Свистонов не любил электричества, поэтому в его квартире уже горели свечи. Леночка сидела за столом и читала:

... лег я на драгоценную постелью и спал часа четыре очень спокойно, а проснувшись, увидел лежащую на окне флейту, которую я, взяв, заиграл в честь видимой на портрете красавицы арию, не зная, что сия флейта сделана чудною хитростию ибо как скоро я заиграл, то в ту минуту все фонтаны с великим шумом пустили воды, а бывшие в саду разных родов птицы, каждая по своей природе, запели громогласные песни, отчего многие древа плоды свои с себя побросали. Я пришел от сей странности в великий страх, тотчас играть перестал, боясь, чтоб на сей шум кто ко мне не пришел и не убил бы меня за мое дерзновение до смерти. А как между тем день уже склонялся к вечеру, то я и не рассудил ни куда из одного прекрасного места итти, но остался в сей беседке ночевать и на другой день до половины дня тут пробыл, но видя, что в саду ни одного человека нет...

Эту затрепанную и презираемую книжку Свистонов купил на вербе, среди прочего барахла, несколько лет тому назад, когда он интересовался литературными стилями.

Леночка сидела при свечах. Она скучала над этим романом. Все же он был куда менее интересен, чем Уолтер Патер. Она проголодалась, но ждала Свистонова, чтобы вместе пообедать. Она подошла к среднему окну и посмотрела, не идет ли Свистонов.

Вернулась и стала дочитывать, но вспомнила, что она сегодня еще не вытирала пыли. Прошла в соседнюю комнату, приставила коричневую лестницу и принялась перетирать свистоновские книги. „Как давно Андрюша не пишет стихов“, — подумала она и, передвинув лестницу, достала свистоновские тетрадки и застыла с тряпочкой на лестнице.

Она перелистывала свистоновские тетрадки со стихами, когда-то считавшимися непонятными, а потом ставшими слишком понятными, нашла в них свой локон, засохшие цветочки, стихи поблекли, выцвели от времени, но для нее все еще они горели.

Леночка провела тряпочкой по корешкам книг. Теперь здесь так много книг, но, боже мой, каких книг: рукописные дневники неизвестных чиновников, книжки „на каждый день“ похотливых студентов, переписка какого-то мужа с женой, повидимому, железнодорожного служащего, тоненькие брошюрки, изданные графоманами, философские книги с кондачка, написанные актерами; длинненькие, в кожаных переплетах, альбомы восторженных подростков;

Санкт-Петербургский календарь на лето от рождения христово 1754. С записями: 6. Пускал кровь из ноги, 19. Шол снег, 28. куплено соломы. Косметики от Gli orvamenti delle donne — Giovanni Marinello (1562 г.) до самых новейших. Кулинарные книги, лечебники, книги, посвященные давно уже не существующим танцам, карточным играм, и полочки с классиками, и томы и пачки кое-как поставленных и положенных книг.

Сев на лестницу, Леночка стала читать стихи. Она читала и вспоминала, где и когда каждое писал Андрюша, как был одет тогда Андрюша и как она. Но тут раздался звонок, и Леночка, убрав лестницу и бросив пыльную тряпку, открыла дверь.

Свистонов, читая газеты, обводил красным карандашом фразы, которые Леночка должна была вырезать и наклеить на листы.

Суп остывал.

— Потом бы ты почитал!—говорила Леночка.— Расскажи что-нибудь.

— Что же тебе рассказать?—отвечал Свистонов и продолжал читать.

— Скажи хоть какая сегодня погода, — попыталась завязать разговор Леночка.— Распустились ли почки и куда мы поедем на лето?

— В Токсово, должно быть,—лениво пробормотал Свистонов вставая.— Там прекрасный воздух.

Пошел в комнату полежать. За обедом он выпил немного вина и поэтому не мог читать и писать.

Лежа на диване, он рассматривал Леночку, следил, как она ходит по комнате и роется в книгах.

— Леночка, почитай вырезки, — сказал он.

Леночка достала листы, покрытые газетными вырезками и, сев поближе к свечам, стала читать.

Ноябрь, 1914 год.

По словам раненых немцев, настроение у солдат весьма подавленное. Офицеры все время говорят им о победах, но солдаты больше уже не верят этим рассказам.

21 июня 1913 года.

„Бетан“.

Пример и совершенство!..
Куриль его одно блаженство,
Как папирота „extra fin“ —
Даст наслаждение „en plein“!!!
Товарам „Шапошников“ слава,
Criez, messieurs, им фора, браво!!!

Дядя Михай.

29 июля 1913 года.

Бал американских миллионеров.

...большинство дам явилось на бал либо в простых деревенских платьях, либо в костюмах героинь популярных детских сказок. Этим они желали подчеркнуть свое критическое отношение к воинствующим **суфражисткам**.